

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 9 (121)

ОСНОВАНИЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ (1837 - 1839): ПРОЕКТ И ХОД ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ

Началом активной, наступательной фазы военного утверждения Российской империи в Западной Черкесии можно считать 1830 г., чему предшествовало окончание очередной русско-турецкой войны (1828 – 1829 гг.) и заключение Адрианопольского договора между Россией и Турцией. Россия получила от Турции территорию, которую еще предстояло завоевать. Это была обширная горная область и протяженный прибрежный участок Северо-Западного Кавказа – населенные воинственными и многочисленными черкесскими субэтнотами: натухайцами, шапсугами, абадзехами, убыхами. Сюда же следует отнести прибрежный и горный Садзен.

Идея политической и экономической изоляции Черкесии от Турции – векового конкурента России на Северном Кавказе – появилась в том же 1830 г., когда Кавказский комитет постановил устранить идеологическое влияние Турции на черкесов и пресечь торгово-экономические связи между турками и черкесами с помощью фортификации побережья и его патрулирования кораблями Черноморского флота. Комитет считал возможным ограничиться возведением крепостей в Геленджике, Пицунде и Сухуме, что и было осуществлено на протяжении 1830 – 1831 гг. В этот же период были воздвигнуты укрепления в Гаграх и Бомборах. Таким образом, вместе с Анапой, на северо-восточном побережье Черного моря появилось шесть русских фортов.

Идею создания линии фортов вдоль северо-восточного берега Черного моря разделяли ключевые фигуры российского генералитета. При некоторой разнице в подходах, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич и командующий войсками Кавказской линии генерал-лейтенант А.А. Вельяминов предлагали сочетание фортификации побережья с решительным наступ-

лением на Черкесию, которую оба генерала считали возможным покорить за очень короткий период. Положительно оценивая предложенный Кавказским комитетом комплекс мер, И.Ф. Паскевич в 1831 г. предлагал весьма жестокий план завоевания Черкесии, с опустошительным наступлением и военной колонизацией. Один из пунктов его плана: «Постоянно занимать войсками одно за другим важнейшие для них (черкесов, прим. А.А.) пункты, равнины близ гор и выходы рек из ущелий, где находится вся промышленность и все способы их существования».¹

В 1832 г. Паскевич составил план еще более быстрого покорения Черкесии, который заключался в скоординированном наступлении со стороны Геленджикской линии силами десяти военных корпусов, который планировалось направить в Натухай, а затем и в Шапсугию.

Предложения о фортификации черкесского побережья до 1832 г. носили фрагментарный характер и речь еще не шла о целой цепи прибрежных фортов, которая имела бы свое военно-административное обрамление.

Проект фортификации северо-восточного берега Черного моря в 1833 г. был предложен Вельяминовым, который отметил неэффективность крейсирующей эскадры Черноморского флота, как инструмента блокады Черкесии и предлагал дополнить ее патрулированием берега «особенным отрядом войск», а также строительством укреплений «при устьях всех рек, впадающих в Черное море между Кубанью и Рионом». Несмотря на то, что Вельяминов предлагал к фортификации такую протяженную часть Причерноморья, особое внимание уделялось участку от Анапы до Гагр, который подлежал бы усиленному контролю. Будучи сторонником жестоких методов завоевания, Вельяминов видел в фортификации побережья, прежде всего, средство эко-

номической блокады: «Отрезать же горцев от сношений с турками важно потому, что если от Кубани мы будем делать набеги на земли черкесов и истреблять ежегодно все их хлебные запасы, вытаптывать их поля и оттеснять их все дальше в горы, где у них мало пастбищ, то, не имея подвоза хлеба с моря, они изнемогут в несколько лет и подчинятся нам».² Генерал предлагал быстрое и весьма жесткое подчинение черкесского населения с его постепенным, но полным разоружением. Торговлю с черкесами он считал необходимым регламентировать в полном соответствии с задачами покорения черкесского края.

Для реализации предлагаемых кавказским генералитетом мер требовались многочисленные военные контингенты, которые Петербург не захотел, либо оказался не в состоянии направить в Северный Кавказ. Официальные источники за 1834 – 1836 г. демонстрируют смещение акцентов от военных экспедиций в Черкесию, которые должны были дать быстрый результат, к стратегии поэтапного наступления, с последовательным строительством военных линий. Николай I одобрил дальнейшую фортификацию черкесского побережья, а военным действиям против Черкесии император придавал гораздо большее значение, чем войне в Чечне и Дагестане: «действия на правом фланге, несравненно важнее и по цели своей и по последствиям».³

Некоторые представители царского правительства и командования выступали за постепенную и относительно безболезненную интеграцию Черкесии в состав России, с дозированным применением военной силы. Так, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (позже – наместник Кавказа) граф М.С. Воронцов в 1836 г. предложил Николаю I «отказаться от теперешней системы экспедиции сухим путем с Кубани и других мест Кавказской линии», т.к.

такая система «неминуемо утомляет и раздражает горцев», и сместить акценты на побережье: «надо вести военные действия со стороны моря, воздвигая укрепления на черкесском побережье».⁴ Граф высказывал то мнение, что не иначе как с помощью развития торговли можно обеспечить лояльность черкесского населения к России и изолировать его от иностранного влияния.

В том же 1836 г. Воронцов лично обзвел побережье Черкесии на корвете «Ифигения» и в сопровождении парохода «Петр Великий», на что получил от Николая I «высочайшее повеление». Были осмотрены все незанятые еще русскими долины, в каждой из которых были замечены турецкие суда, причалившие для торговли с местным населением. Предложения Воронцова засвидетельствовал француз М. Сент-Совер, который пишет, что граф, обследовав черкесское побережье от Анапы до Гагр, предложил императору возвести на побережье между Геленджиком и Гаграми 20 – 25 фортов, в каждом из которых должно было быть по 500 солдат и по 4 орудия, а для усиления крейсирования использовать вместо парусных судов пароходы, которым легче было бы захватывать суда турок и черкесов. Воронцов, как убеждают эти сведения, придавал особое значение черкесскому участку побережья, предлагая здесь усиленные меры по фортификации и крейсированию.⁵

С 1834 г. усиливающийся интерес к Черкесии демонстрирует Англия: англичане посещают черкесский берег, а некоторые из них даже надолго здесь остаются; доставляют воюющим черкесам оружие, боеприпасы, соль, либо организуют такие поставки из Турции; взаимодействуют с черкесскими депутациями, иницируют народные собрания и участвуют в них, пытаются внедрить в черкесскую среду новые правила и нормы

(«национальный обет», «отказ от воровства и борьба с изменой» и др.); подают черкесам надежды на вмешательство в войну против них Англии и Турции. Проникновение англичан в Черкесию не могло оставаться без внимания русского правительства, которое через свои консульства и посольства в Турции бдительно отслеживало эти контакты. В ноябре 1836 г. патрулировавшим черкесское побережье бригам «Аякс» была задержана английская торговая шхуна «Виксен», причалившая к Цемесу («бухте Суджук-кале»). Этот инцидент привлек международное внимание к вопросу о политическом статусе Черкесии. Впрочем, после дипломатических дискуссий между представителями России и Англии и острых прений в самом английском парламенте, случай с задержанием и конфискацией русской английской купеческой шхуны был улажен в пользу России и исчерпан. Деятельность англичан в Черкесии продолжалась вплоть до 1839 г., а их влияние на причерноморское население страны было довольно существенным.

Закономерно, что в 1837 г. военный министр граф А.Н. Чернышев в своих «мерах по усмирению кавказских горцев» среди веских резонов блокады черкесского побережья отметил и необходимость пресечения иностранной пропаганды среди черкесов: «решительное пресечение сих сношений черкесского берега с азиатским, сделалось еще необходимым по замеченным поощрениям иностранных эмиссаров, тем же путем к горцам прибывающих, возмущать сии племена и восновлять их против России».⁶

До 1837 г. на самом протяженном и важном для России черкесском побережье находилось всего 4 крепости: три из них (Анапа, Геленджик, Гагры) были реанимированы русскими после того, как эти пункты были оставлены турками, и одна была возведена у устья р. Дооб специ-

альной экспедицией Вельяминова в 1836 г., в качестве перевалочного пункта между Анапой и Геленджиком. Эта крепость вначале получила название «Александровская», а позже переименована в «Кабардинское» укрепление.

Создание Черноморской береговой линии началось в 1837г., когда были «высочайше предназначены» военные действия против натухайцев и цебельдинцев с тем, «чтобы оба сии племени были приведены, наконец, к решительной и безусловной покорности».⁷

Как видно из официальной переписки, предполагалось встречное военное продвижение двух мощных военных корпусов вдоль черкесского побережья. В Натухае силами т.н. «Геленджикского отряда», возглавляемого Вельяминовым, планировалось возвести 2 – 3 форта (предполагались к занятию такие пункты как Пшад, Вулан и Джубг). «Абхазский отряд» должен был вначале совершить экспедицию в Цебельду, а по ее завершению направиться в Садзен и, заняв там Адлер, продвигаться в Убыхию. При этом пункты, занятые войсками Вельяминова должны были, в соответствии с «высочайшим соизволением» императора, находиться в его же подчинении, тогда как те пункты, которые будут заняты «Абхазским отрядом», командир Отдельного Кавказского корпуса Г.В. Розен предлагал подчинить командующему войсками в Абхазии.⁸

В мае 1837 г. в Ольгинском укреплении на Кубани был собран отряд численностью до 12 тысяч человек, состоявший из 4 батальонов Тенгинского полка, 4 пехотных батальонов Навагинского полка, 2 батальонов Кабардинского егерского полка, 2 рот Кавказского саперного батальона, а также 4 пеших полков Черноморского казачьего войска, 75 человек казачьей конницы, 2 саперных рот, 16 орудий пешей артиллерии, 10 горных единорогов и 10 кегорновых мортир.⁹

Достигнув Геленджика, отряд выдвинулся к Пшаду 16 мая и через день пути до-

шел до р. Мезиб и, остановив здесь обоз и артиллерию под прикрытием трех батальонов Тенгинского полка, направил часть отряда для рекогносцировки предполагаемого маршрута. Продвигаясь вперед, этот отряд сжег несколько небольших аулов при незначительной перестрелке, но на обратном пути арьергард и стрелки 1-й гренадерской роты Навагинского полка подверглись сильным атакам черкесов, которые были отброшены только после плотного рукопашного боя.

В результате рекогносцировок была установлена невозможность дальнейшего следования отягощенного обозом и тяжелыми орудиями войск, которые под прикрытием части отряда 19 мая были отправлены обратно в Геленджик (для их транспортировки оттуда морским путем). В это время другая часть войск была направлена на «фуражировку» по р. Мезиб и сожгла небольшой аул. 20 мая весь военный корпус воссоединился, и 21 – 24 мая был занят только движением к Пшаде.

По мере приближения отряда к Пшаде, сопротивление черкесов нарастало, а уже на подходах к месту предполагаемой крепости черкесы укрепились к обороне горную возвышенность, которая была удачно штурмована силами одного из батальонов Навагинского полка. Заняв обороняемые высоты, войска спустились к берегу моря, где и был разбит лагерь. Согласно данным дореволюционного казачьего историка Ф.А. Щербины за время этого похода отряд потерял 108 человек убитыми и ранеными.¹⁰

11 июля Вельяминов направил свой отряд из вновь устроенного в Пшаде укрепления для занятия пункта в устье р. Вулана. Ожесточенные сражения развернулись на второй день этого продвижения на горе, исконное название которой, как это установлено в адыгской историографии – Шомыкляуаль (в русских источниках оно фиксируется по-разному: «Суемчатель» – у Симановского, «Суемчей-

Из книги: Ракович. Тенгинский полк на Кавказе. 1819 – 1849 / Под ред. ген.-м. Потто. Тифлис, 1900. Вклейка между страницами 212 и 213.

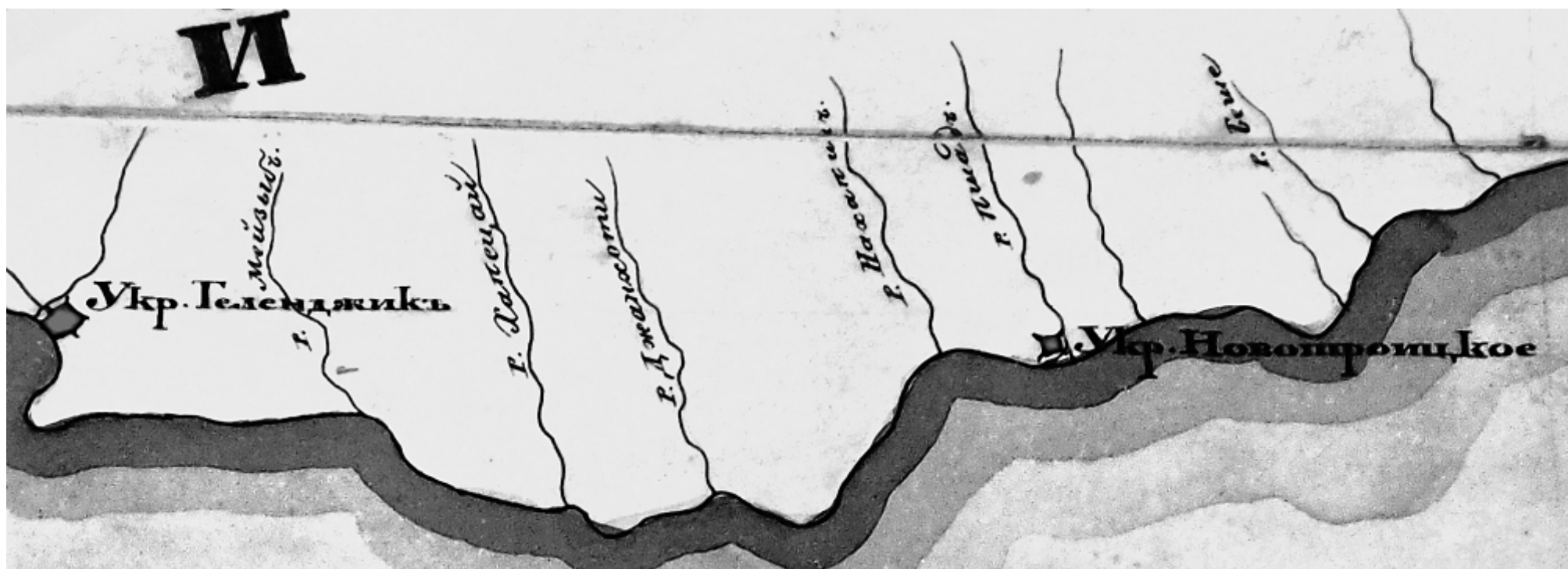
утль» – у автора, подписавшегося как Н.М., «Суемчеватль» – на карте Вельяминова),¹¹ что означает «Углевая залежь», через которую для дальнейшего движения войск предстояло разработать дорогу. Для этого сюда была направлена часть отряда под командованием полковника Э.В. Бриммера с тремя пехотными батальонами, двумя ротами сапер и четырьмя орудиями, и после кровопролитного сражения, во все время которого интенсивные перестрелки сме-

нялись рукопашными боями, дорога была разработана и весь отряд двинулся дальше.

Интенсивная перестрелка, однако, не утихла и русские войска продолжали выбивать черкесов из занятых ими гор и ущелий. На одной из протяженных горных возвышенностей, мимо которой предстояло продвижение частей правого фаса отряда, было даже превентивно уничтожено целое селение, во время штурма которого был смертельно ранен ген.-м. от артиллерии Н.А.

фон Штейбе или Штейбен – одна из ключевых фигур военного корпуса Вельяминова. В июне 1837 г. Вельяминов рекомендовал его на пост начальника Береговой Линии с полномочиями дивизионного начальника. Штейбен умер на Тамани 4 октября^{11а}.

Следующий (т.е. 13 июля) и последний день продвижения войск к Вулану также прошел в упорнейших боях, которые развернулись вокруг стоявшей на пути отряда и укрепленной черкесами к обо-

Карта Черноморской береговой линии. М.: в 1 дюйме 10 верст. Размер: 32,5 на 142 см. Чертил корпуса топографов поручикъ Рябов. Фрагмент. Укрепления Геленджик и Новотроицкое. Указаны реки: Мейзиб, Хапецай, Джанхоти, Нахати, Пшад, Беше.

роне горы и находящегося у ее подножья селения. Первые попытки штурма этой горы были отбиты сильным ружейным огнем, который велся как с ее вершин, так и из селения под ней, и поэтому как аул, так и гора подверглись сильному артиллерийскому обстрелу и были штурмованы одновременно. После ожесточенного сражения черкесы были выбиты с горы, а аул уничтожен. Отряд, задержанный оказанным сопротивлением, прибыл к Вулану вечером того же дня.

По оценке Филипсона, за все 3 дня похода из Пшада на Вулан, потери отряда составили 75 человек убитыми и ранеными.¹² Другие данные приводит дореволюционный военный историк Д.В. Ракович, согласно которому войска за время этого похода потеряли 2-х офицеров и 21-го солдата убитыми, и 3-х офицеров и 90 рядовых — ранеными.¹³ Еще большие данные приводит Ф.А. Щербина, согласно которому эти потери заключались в 128 убитых и раненных солдатах не считая офицеров (количество которых не приводится).¹⁴

На месте занятых Вельяминовым пунктов были возведены укрепления Ново-Троицкое (первое название — Константиновское) и Михайловское.

Экспедиция Вельяминова, затянувшаяся до сентября 1837 г., доставила огромные бедствия адыгам. Истребление аулов, располагавшихся между занимаемыми пунктами, а также так называемые «фуражировки», которые следовали за занятием стратегической долины и продолжались во время ее фортификации, поставили многочисленное население на грань гуманитарной катастрофы.¹⁵

Одновременно с продвижением Вельяминова на западе Черкесии, было предпринято наступление со стороны Абхазии. 6 июня эскадра Черноморского флота под командованием контр-адмирала С.А. Эсмонта подошла к Адлеру, главной джигетской (садзской) пристани. В десантной операции были задействованы фрегаты «Штандарт», «Агатополь», «Анна», «Архипелаг», корвет «Ифигения», бриги «Полукс» и «Аякс», шхуны «Гонец» и «Вестовой». На следующий день, при благоприятной погоде, эскадра приблизилась к берегу и, выстроившись в боевой по-

рядок, открыла шквальный артиллерийский огонь по укрепленным позициям черкесского (садзо-убыхского) ополчения.¹⁶

Десантный отряд частью высадился на подвергшейся основательной артоподготовке укрепленной поляне, а частью — в лесистом прибрежье, которое не было затронуто огнем корабельной артиллерии и подверглось лишь картечному огню из фальконетов, расположенных на носу десантных шлюпок. Наиболее упорные бои развернулись в лесу, куда устремился отряд капитана Л.Л. Альбранта, ведя перестрелку с рассредоточенными по нему черкесами (очевидно, под мощным артиллерийским обстрелом покинувшими свои укрепленные позиции на прибрежной поляне), и подвергнувшийся сабельной атаке на обратном пути.¹⁷ В то же самое время, отряд под командованием А.М. Симборского был направлен к устью р. Мзымта, для разбивки лагеря, куда затем последовала и вся остальная часть военного корпуса.

Место при устье р. Мзымта, где войска расположились лагерем, Розен нашел подходящим для возведения укрепления: таковое было торжественно заложено 18 июня и получило название «Святой Дух».

Примечательным событием в истории Черноморской береговой линии является посещение ее крепостей Николаем I, который прибыл из Севастополя в Геленджик 20 сентября 1837 г. на пароходе «Полярная звезда». Царь ознакомился с отчетами о ходе военных действий в Черкесии, посетил батальонные лазареты в крепости и провел смотр войск, лично наградив при этом георгиевскими крестами некоторых солдат (в т.ч. и раненных, среди которых был и ген. фон Штейбе). Наутро следующего дня начался пожар на продовольственных складах крепости, причиной которого, согласно официальному заключению следствия, была стрельба из орудий по поводу прибытия императора. Джон Лонгворт, находившийся в 3 милях от Геленджика, писал: «Ужасный ветер обрушился в эту ночь, которая была к тому же штормовой, на Геленджик; так что даже этот избранный клочок земли, как и вся Черкесия, оказался слишком го-

Укрепление святого Духа при реке Мзымта.

рячим для него. Наговорив всяких прекрасных речей своим беднякам-солдатам, чьи склады и запасы были полностью уничтожены огнем, он отплыл утром следующего дня на пароходе в Редут-кале, лежавший на его пути в Тифлис. Геленджик был главным складом имущества армии, и все здешние запасы на целый год также были уничтожены... Многочисленные дезертиры, которых мы расспрашивали по этому поводу..., были единодушны в утверждении, что генерал Вильяминов и его офицеры сами подожгли склады, чтобы император не смог увидеть их и не установил бы их колоссальное мошенничество и расхищение имущества армии. Николай, который ежедневно приводил к нищете тысячи своих подданных, является одним из самых сентиментальных тиранов во всей истории, и во время пожара он все время повторял своим солдатам: «Дети мои, все это горе я полностью принимаю на свой счет» — утверждение, в котором его «дети», ввиду того, что они голодали, а он нет, могли весьма основательно сомневаться.

(Продолжение в следующем выпуске).

Азамат АЛЬХАОВ.

Примечания:

1. Акты Кавказской археографической комиссии [далее АКАК]. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 903.
2. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. 7. Тифлис, 1883. С. 19.
3. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисицина, Б.П. Миловидов. СПб., «Звезда», 2005. С. 98.
4. Цит. по Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в.: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества / С.Г. Кудяева. Нальчик, «Эль-Фа», 2007. С. 304.
5. Подробное воспроизведение обзора М.С. Воронцовым черкесского побережья содержится в источнике «Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения» (Одесса, 1837 г.), под авторством С.В. Сафонова, а в частично переведенном на русский язык источнике «Месяц на русском корвете вдоль абхазского побережья», авторство которого принадлежит М. Сент-Соверу и опубликованном в N1 за 1998 г. журнала «Черкесский мир» (С.51), зафиксированы предложения графа по фортификации этого побережья.
6. АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 356.
7. Там же. С. 645.
8. Там же. С. 858.
9. Там же. С. 357.

10. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска / Федор Щербина. М.: Вече, 2013. С. 453.

11. Лики адыгского прошлого. Историческое приложение к газете «Голос Адыга». Выпуск 9-10. С.11.

11а. Архив Раевских. Т. II. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1909. С. 355.

12. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. N 5. 1883. С. 248.

13. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900. С. 159.

14. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 453.

15. Характер, масштабы и ход насильственного изъятия у черкесского населения хлеба и сена специально направляемыми в селения военными колоннами описывается в целом ряде источников, авторство которых принадлежит непосредственным участникам событий, среди которых: Н.М. Воспоминание о Кавказе 1837 года // Библиотека для чтения. Т. 80. ч.1. СПб. 1847. Январь. Отд. 3. (информативны стр. 34-35); Грозова И. Дневник офицера // Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне 19 в. СПб. Журнал «Звезда», 2000; Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в кадетском корпусе и выпущенного в 1815 г. // Кавказский сборник, Т. XVII. Тифлис, 1896. (информативны стр. 1-34, посвященные экспедициям Вельяминова).

16. АКАК. Т. VIII. С. 870.

Николай Каменев.

Бассейн Псекупса

1867 г.

Продолжение, начало в выпусках 6 (118), 7 (119).

Абадзехи, до принятия к себе дагестанца, Магомет Амина, предпочитали делать набег незначительными партиями, и собственно потому что в массе не терпели подчинения. К тому же, сбор такой

партии не губил время на соображения и в случае удачного набега, каждый участник в нем рассчитывал на порядочную долю добычи. Нередко случалось, что незначительная партия высканивала на разбой без всяких приготовлений, разогретая бузой на свадебной пирушке или вызванная приехавшими из отдаленных аулов гостями.

Испытанный в счастье наездник, знакомый с местностью линии и обычаями казаков, несущих кордонную службу, избирался такой партией «таматой» — старшиной. Условившись с товарищами о месте первого привала поблизости линии, он разлучался с ними на правой стороне р. Белой и ехал в гости к приятелю своему, какому-нибудь мирному

горцу. В мирном ауле скрывался от всевидящего армянина, торговавшего в ауле красным товаром, и скрывался вообще от народа, среди которого всегда почти находился приятель кордонного начальства, именуемый лазутчиком. Собрав нужные сведения относительно предпринятого хищничества и пригласив мирного горца в соучастники, та-

мате делал значительный заворот от аула в камыш или трясины, где поджидали его товарищи, оттуда ворочал коня на север, и к утру, выкупавшись в Кубани, общивался с ними в кустах между Кавказской и Казанской станциями, а успел, то и подальше, где-либо в балке на речке Челбасах.

Днем хищники не предпри-

нимали никаких покушений, даже и в таком случае, если по счастью казачий табун находился в самом близком расстоянии от их засады. Но как только настанут сумерки, и табунщики по обычаю расположатся похлебать кашицы, хищники мигом на конях, два, три выстрела потрясли воздух, и поднятый табун стремглав полетел к реке Кубани за вожаком «уазе». Сноровка горца, ведущего табун, имела в виду попасть сразу на заранее избранное место для переправы, несмотря на самую глухую ночь. В хвосте отбитого табуна неслись остальные хищники, главной заботой которых было устранить все, что могло скоро распространить тревогу. Абадзех искал у казаков не крови, а добычи, и потому если табунщики по оплошности оставались пешими, хищники их не трогали, если же усматривался вестник, скачущий по направлению к посту или станице, то он преследовался до последней возможности и спасением своим обязан был единственно случаю. Очень редко удавалось хищникам переправить целиком табун на левую сторону Кубани и Лабы. При вполне удавшемся набеге, голова табуна была уже за Лабой, а на хвосте его производилась перестрелка с казаками, собиравшими отсталых изнуренных лошадей. За Лабой хищники считали себя дома, делали привал и отклонялись с мирным горцем, которому предстоял иногда нелегкий труд, бесследно добраться до своего аула, куда через несколько дней высылалась часть из отбитой добычи, выпавшая на его долю.

Большие сборы для набегов на линию, при отсутствии администрации у абадзехов, тянулись обыкновенно несколько недель. Их мог предпринимать лихой наездник из сословия тлелотлешей. Побуждением к такому набегу служили добрые вести, доставленные о линии мирными горцами. Они заключались: в указании места, где сосредоточивались русские войска; в сведениях о численности войск, составлявших постоянное прикрытие кордона; в указании местонахождений табунов и стад, принадлежащих казакам. Не оставляли горцы без внимания и характеристику отдельных местных начальников. Сбор большой партии производился с соблюдением строжайшей тайны о предполагаемом пункте набега и времени выступления. Приятели кордонного начальства, готовые за несколько карбованцев продать своих товарищей, находились и в среде абадзехов. «Дзепши», начальники отряда, и надежные приближенные к нему наездники, одни знали план набега, обдумывали его до мельчайших подробностей в тайных совещаниях, и отправляли иногда на линию за новостями ловкого, стоголазого лазутчика «пляко», кото-

рый начинал с того, что брал на себя ложную роль человека, желающего услужить кордонному начальству и прибывшего искать доброго с ним знакомства. Он поступал обыкновенно в распоряжение переводчика, снимавшего с него допрос. Если переводчик любил пускаться в политические рассуждения, то почти всегда проговаривался... — что и нужно было этому новому знакомцу кордонного начальства. После допроса, отпущенный с честью и с наградой, лазутчик в сопровождении казаков достигал Кубани, переправлялся и исчезал. По линии же носились: конверт с припечатанным перышком, заключающий секретные распоряжения о сосредоточении войск, и цидула, предупреждавшая все население о сборах неприятеля.

Возвращение лазутчика решало выступление партии в набег. Абадзехи разных аулов собирались в аул, в котором жил предводитель, и там, в присутствии его и мулл, они присягали на коране: с минуты выступления и до роспуска подчиняться ему безусловно; не покушаться на измену и довольствоваться равным дележом добычи. Партия размещалась в ауле по саклям, а почетные наездники были гостями предводителя. После роскошного у него угощения, происходило гадание: хозяин брал косточку «чень» — бараний альчик и бросал ее на пол, возле камина. Если косточка падала гладкой поверхностью кверху, то это предвещало неблагоприятный исход предприятию. Набег откладывался, что значительно уменьшало численность партии. Когда же косточка падала гладкой поверхностью книзу — уверенность в удачу одушевляла все собрание, и хозяином начальника объявлял немедленное выступление. Сев на коней, партия крупной иноходью пускалась за реку Белая, за реку Лабу и достигала Кубани непременно с закатом солнца. Одна половина партии оставалась в скрытном месте резервом; остальные наездники вынимали «швент», козы мех с обритой шерстью, вкладывали в них одежду, пистолеты, кинжалы, вкусную провизию, надували их, завязывали и, укрепив наверху ружье и шашку, бросались в реку. Каждый горец одной рукой держался за швент, другой — держал повод лошади, и в несколько минут выносился течением реки на правый берег. Одеться, вооружиться и осмотреть исправность ружей, было первым делом после переправы. Потом наездники заботились скрыть свое присутствие под крутым берегом Кубани, заросшим кустарником или лесом, и из этой засады высылали пешие пикеты, вместе с опытными лазутчиками, знавшими хорошо вперед лежащую землю. Первые располагались поблизости своей партии, а вторые делали засаду по-

близости станицы, откуда возможно было бы заметить исполнение казаками обычных правил кордонной службы, а именно: выезд их из станицы и поста для осмотра дороги, а потом возвращение на свои места и после рапорта о благополучии, выпуск из станицы на пастбу рогатого скота, лошадей и жителей на полевые работы. Возвратившись ползком лазутчики, в один момент поднимали партию. Наездники вскакивали на лошадей, быстро выезжали из засады, рассыпались и совершали нападение. Внезапность нападения и быстрота в захвате скота, лошадей и пленных поистине были изумительны. Не теряя времени на поджоги, ни на погоню за каким-нибудь конем, оторвавшимся от стада, а также и на преследование за казаками, помчавшимися с известием о появлении хищников, наездники захватывали первую попавшуюся под руку добычу, и гнали ее во весь дух к Кубани. Там принимали ее для переправы на противоположный берег реки оставшиеся в резерве горцы, ведя между тем перестрелку с прискакавшими по тревоге казаками, которые по малочисленности своей не отваживались приблизиться к месту переправы, прикрытому линией меткого огня. Занятые переправой горцы были обнажены, и посредством швентов доставляли на левый берег женщин, детей и растерявшихся, крепко связанных, взрослых пленных; удалых же безоружных казаков, сопротивлявшихся плену, на переправе не было, они были перебиты или тяжело изранены в момент нападения. Что же касается лошадей и скота, то их переправляли вплавь, пуская за вожаком цепью, удерживаемой в порядке боковыми пистолетными выстрелами и отрывистыми криками — хай! хай!

Но вот доставление добычи начинает прекращаться; у берега Кубани появляются оседланные кони без всадников, появляются кони с двумя всадниками, из которых один ранен или убит, а следом за отступающими хищниками и наперерез им, враспынную несутся с гиком казаки. Наступает для горцев критическая минута. Настигнутые на берегу Кубани казаками, они оставляют захваченную и не переправленную еще добычу и сами бросаются в реку под градом казачьих пуль. Отрезанные от удобного спуска к переправе, горцы бросаются в реку с кручи, и гибнут в ней вместе с лошадьми.

Впрочем, атаки казаков, производимые по горячим следам на правой стороне Кубани, в редких случаях были для хищников опасны. Им угрожали атаки подвижных казачьих резервов, иногда подержанных пехотой и артиллерией, которые, направляясь через известные броды и паромные сообщения, стреми-

лись настигнуть партию до реки Лабы и отрезать ей переправу. Тогда, мало того, что бывала отбиваема добыча, но и хищники терпели страшное поражение. Во избежание подобного несчастья, захваченная добыча без малейшего промедления угонялась от Кубани самым необходимым числом хищников, делая узкую сакму; прочие разделялись на партии и служили ей прикрытием. Большая партия, предводимая самим дзепши, проскакав вне того направления, по которому угнана добыча, и скрывалась в первой встреченной балке, меньшая — занимала наблюдательными пикетами курганы и возвышенности, допускавшие обозреть как можно большее пространство. Затем начиналось отступление: передовая партия двигалась только ровной рысью, а задняя джигитовала, проскакивая с кургана на курган, с возвышенности на возвышенность, зорко всматриваясь на Кубанскую равнину, где эшелонами уже неслись казачьи сотни. С курганов раздавались сигнальные выстрелы. Кто из пикетных горцев надеялся на коня, тот не трогался с места, прочие во весь дух летели по прямой линии к партии дзепши, который, прибавив ходу, выезжал на первую возвышенность, чтобы умышленно обнаружить себя преследователям и заставить их сделать предположение о присутствии в среде его партии добычи. Если заметно было, что хитрость не удалась, и передовые сотни казаков не пропустили узкой сакмы, по которой прошла добыча, а держались ее, отделяя в то же время особые от себя команды для боя с находившимися в виду их хищниками, то оставшиеся вне действительного направления добычи джигиты, неслись стрелой на неудачно маскированный пункт переправы и увлекали за собой всю партию с ее предводителем. В таких случаях набег был безуспешен и дорого обходился горцам. Когда же казаки первого эшелона, увлеченные открытием неприятеля и близостью его пикетов, оставляли без внимания узкую сакму, и завязывали перестрелку с смельчаками, хладнокровно поджидавшими их на ружейный выстрел, тогда партия дзепши укорачивала ход и старалась протянуть время в джигитовке с казаками, не отказываясь даже выдержать при этом несколько решительных натисков.

Словом, при отступлении большой партии хищников с отбитой добычей, все тактические соображения заключались: во 1-х в том, чтобы скрыть от казаков действительное направление добычи и во 2-х, чтобы посредством смелой демонстрации, дать ей время убраться за Лабу прежде, чем достигнут до этого рубежа преследующие. Вот в этих-то обстоятельствах, знаменитая кавказская джигитовка

делала великое дело, и оказывала горцам величайшую услугу, задерживая самое горячее преследование и отнимая у преследующих вернейший залог успеха — время.

Перед закатом солнца партия достигала реки Лабы уже рассеянной, и на своих плечах выносила преследователей на левый берег, поросший лесом и едва проходным кустарником. Здесь хищники переводили дух, считали себя вне серьезной опасности и провозжали возвращавшихся казаков прощальными выстрелами.

За Лабой, в месте безопасном, делался привал, для чего избиралась лесная поляна поблизости источника, на которой уже дымились костры, разведенные хищниками, пригнавшими добычу. Группа измученных дорогой пленных, в числе которых взрослые мужчины были связаны, сидела окруженная кострами; женщины, захваченные без детей, рыдали, утешаемые на непонятном языке караульными; те же, у которых были дети, скрепя сердце утешали и баюкали плачущих детей. Рогатый скот и лошади, оцепленные также караулом, теснились в кутку поляны, лишенные, в видах сохранения здоровья, воды и корму. Положив морды друг другу на спину, животные жадно втягивали сырой, лесной воздух и стояли как вкопанные. Возле прочих костров лежали на бурках раненные хищники, раны которых уже были перевязаны; а далее, в неосвещенном месте бивуака, под деревьями, на сучьях которых повешено было оружие, лежали трупы убитых хищников, завернутые в бурки и тщательно увязанные; их окружали товарищи однопольцы. По прибытии всей партии, дзепши, обезопасив бивуак секретами, отдавал лошадь и, снимая оружие, шел к убитым почтить их славную смерть поклонением. Посидев возле каждого трупа несколько минут с поникшей головой, он уходил опечаленным. После него тоже благоговейное поклонение мертвым делалось и другими наездниками всей партии. Самым оживленным местом бивуака было то, где зарезанная во имя Аллаха скотина, едва выдержавшая перегон, раздавалась приходящим. Хотя набег считался удачным и веселил сердце каждого участника в нем, но присутствие убитых и раненных налагало на всех печать глубокой скорби.

Николай Каменев,
23 октября 1867 г.,
станция Ключевая,

Публикуется по: Кубанские войсковые ведомости. N 49 от 16 декабря 1867 г., с. 205 — 207.

Материал к публикации
подготовил Самир ХОТКО.